

В языке эскимосов есть примерно сто различных слов, означающих снег. Это языковое богатство позволяет максимально точно описать малейшие различия в снежном покрове. В современном русском языке у слова «успех» пока что маловато синонимов — успеха добиваются немногие. Но если ты как герои новой книги Александра Чумикова достиг горной вершины, значит, ты — очень успешный человек, умеющий принимать правильные решения.

Книга Александра Чумикова, писателя и учёного, — это путешествие не только к горным вершинам, но в глубь недавней и всё ещё волнующей нас истории.

Есть тайны, известные немногим. Есть судьбы, о которых не любят вспоминать. Но описанная автором реальная история, полная драм и трагедий, всё равно волнует. Хочется узнать, как всё это было на самом деле, что же с нами произошло? И почему?

Авторская интонация ожидания и жадного интереса к миру свидетельствует о том, что вы держите в руках книжку, которую не выпустишь из рук, пока не дочитаешь.

*ЛЕОНИД МЛЕЧИН,
советский и российский журналист,
международный обозреватель, телеведущий,
лауреат телевизионной премии «ТЭФИ»,
член Союза писателей СССР,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации*

Опускаю ладонь на эту книгу и знаю: она правдива, написана с юмором, хлёстким журналистским словом, с точными интересными деталями. И никакого чуда здесь нет! Я давно знаю автора. И тем более хочется открыть для себя «Непал». Читаю и нахожу подтверждение своим ожиданиям. Но книга полнее. Всё провязано: приключения, преодоление, интересные и известные люди, весёлые и грустные истории, стойкость и дружба, которая рождается только в настоящих испытаниях.

*ЕГОР СЕРОВ,
главный редактор радио «Книга»,
ведущий книжной рубрики
на телеканале «Россия 1»,
член Правления Российского книжного союза*

ЧАСТЬ I

JAI MAHAKALI,
AAYOO
GURKHALI!*

* Слава великой Кали, гурки идут! — боевой клич гурков.

Пролог

6100

*«...“В одной знакомой улице я помню старый дом...”
Что ещё помню? Помню, как весной провожал её на Кур-
ском вокзале, как мы спешили по платформе с её ивовой
корзиной и свёртком красного одеяла в ремнях, бежали
вдоль длинного поезда, уже готового к отходу, загляды-
вали в переполненные народом зелёные вагоны... Пом-
ню, как наконец она взобралась в сенцы одного из них,
и мы говорили, прощались и целовали друг другу руки,
как я обещал ей приехать через две недели в Серпухов...
Больше ничего не помню. Ничего больше и не было...»**

Что за чёрт? Что это, кто это? Зачем? Да-да, понимаю, Иван Бунин, что-то из «Тёмных аллей». Мне когда-то нравились эти обволакивающие рассказы, а некоторые мини-атюры я даже учил наизусть. Но при чём тут Бунин? Сейчас. В Непале. На Южной Аннапурне. На высоте шесть тысяч сто метров. Это сон? Однако заснуть, полусидя на льду, на крошечной площадке, невозможно. Ноги сначала мёрзли, а теперь ничего не чувствуют. И кажется, что стало тепло. И накатывает дрема. Говорят, так и замерзают насмерть. А тут Бунин, у которого про горы и высоты что-то не припомню. Но замерзать под Бунина лучше, чем под какие-нибудь кошмары. Хотя и странно.

Да и вообще у него много странного: почему Иван Алексеич писал это в 1944 году, вспоминая в разгар большой войны события тридцати-сорокалетней давности? А с другой стороны, что такого? Запомнил — и вспоминал. Все вспоминают. Особенно молодость — на старости лет.

* И. Бунин, «В одной знакомой улице» (сборник рассказов «Тёмные аллей», АСТ).

Но герою воспоминания точно было тепло. А чего ж холодно! Герой — а, вот, вспомнил, рассказ называется «В одной знакомой улице» — приходил летом к девушке. Они ели сыр, пили вино, а потом — сейчас мне это кажется самым важным — залезали под одеяло. Скоро им и без одеяла становилось жарко. Но я, конечно, не об этом: теперь не до хорошего. Представляю совсем иное. Как в другом походе, в палатке, спал с девушкой. Снаружи был страх, чёрт, ужас, и мы просто обнимались — для тепла, ничего такого. В тесноте, в одном спальном мешке. Или попросторнее, в двух состёгнутых спальнях мешках, но уже втроем: девушка посередине, а мы с приятелем по краям. Но это был туризм, а сейчас совсем не туризм. И палатка есть, но, собираясь на ночлег, мы её просто повесили на ледобуры, чтобы можно было сесть или прилечь не прямо на лёд, а как-то прикрываясь матерчатым домиком.

Что нужно делать, когда никак не уснуть? Можно считать. Ну и как долго будешь считать? Я досчитал до тысячи, и жутко надоело. Потому что, если ждать ещё часа три-четыре до подъёма, это ж сколько тысяч надо перелистать? А-а-а. Лениво, холодно, неинтересно. Лучше продолжу вспоминать — и снова что-нибудь литературное. Вот Бунин неплохо вписался в бред. Минут тридцать занял.

А потом вспомнилась песня, герой которой ловил у «Звёздного» такси и в сотый раз опаздывал на Рижский вокзал...

Отлично! Пусть и не Бунин, не классическая литература, а шлягер Вити Третьякова. Что между ними общего? Ничего общего нет. Впрочем, есть: память. Тот вспоминает и этот вспоминает, потому что память дана не только нобелевским лауреатам. Вокзал часто вспоминают. Наверное, потому, что уезжают часто именно с вокзала, так что ничего странного. У одного Курский вокзал, у другого Рижский... У меня недавно, при вылете в Непал, был аэровокзал Шереметьево-2, в тот год почти все международные рейсы вылетали оттуда...

Луна ослепительно блестит. Лёд блестит. Архип Куинджи. «Лунная ночь». Чудесно! Но у него на картине ночь на Днепре, а главное — летняя, тёплая. Ночь для восторга, для любви, а сейчас... Какой антоним у восторга? Ужас, отчаяние? Ну уж не настолько! Так, тоска, подавленность некоторая: пусть бы лунной ночи и совсем не было, нестерпимо хочется скорого рассвета.

Опять мысли переключаются на холод. Теперь минус тридцать, а днём станет потеплей. На немножко? Нет-нет, на множко! Это ж горы: солнце выглянет, припечёт, и даже на высоте наступит нирвана. Надо любыми способами пытаться насовсем не замерзнуть. Ладно, вспомним не художественное, а что-нибудь околонуточное: как умные люди рассуждают о борьбе с холодом. Некие сильно грамотные, может, даже медики, писали-говорили, что надо усиленно шевелить пальцами, и тогда кровь к ним прильёт, обморожения не будет. Верно! Но знаете, сколько надо сделать взмахов ногами, чтобы она прилила? Хотя бы по сто, да каждой ногой. А меньше — никаких изменений не происходит: пытаешься двигать конечностями, а нога словно какая-то деревяшка, и не чувствуешь, что пальцы ожили и активно себя ведут. Они, слава богу, шевелятся, но слишком вяло.

Не к месту возник в памяти старый пронзительный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». С чего бы вдруг?! Но если сопоставить с темой холода и нашими антиобледенительными упражнениями, то вполне к месту: в фильме есть документальные кадры о том, как немецких солдат тренируют перед вторжением в Россию. Типа два прихлопа — три притопа, и согреться в лютые русские морозы даже в тонкой шинелишке и кожаных сапогах. Хрен-наны они согрелись! Под одним Сталинградом многие десятки тысяч поумирали только от мороза, даром что уклонились от снарядов и пуль. А как же: плохо одеты, не кормлены. И это на равнине. На высоте куда хуже.

Правда, в горах с немцами получилось ровно наоборот: когда

дивизия «Эдельвейс» пришла на Кавказ в 42-м, она комплектовалась из опытных и хорошо экипированных егерей. Этих солдат, в отличие от «равнинных», одевали по-зимнему тепло. Они закрепились на перевалах, поставили палатки на ровных площадках, с собой занесли бензин и примусы. А помёрзли как раз наши «ваньки», собранные в горы в противоборство егерям из совсем не горных городов и деревень. Пусть и в валенках, и в полушубках — а вершин, перевалов и ледников раньше не видели, опыт обустройства в таких условиях отсутствовал. Внизу русские солдатики рубили лес и разжигали костры. Однако на высоте дров нет. Иные, вот как и я, дремали, бредили, но через силу двигались. А другие засыпали и не просыпались.

Теперь уже и Кавказ иллюзорно кажется не таким крутым, как здешние горы! А что? Вершины Эльбруса, где никто не ночует, — и то «всего» пять шестьсот с хвостиком. Хотя для замерзания этого более чем достаточно. Но тут шесть сто! И ещё не конец восходительного маршрута. Это Непал, детка, это Гималаи.

У нас есть баллоны с газом, есть горелка. Это здорово выручает: если палатку прилично поставить, тогда она прогревается внутри. Однако в нашей «лежачей» палатке такое плохо получается. А вы знаете, что собственное дыхание тоже согревает воздух? Иней на стенках соберётся, а потом и закапает. Но это что — мёртвому припарки. Да, старики-альпинисты рассказывали про снежные пещеры. Например, как рыли их, поднимаясь почти целый месяц на семитысячный пик Победы в Средней Азии. Это не сказки: вот вырыли люди пещеру в минус тридцать, как у нас теперь, забрались в неё, через час глядишь — минус пятнадцать. Примусы зажгли, надышали — ещё десяток градусов долой. Красота! Красота? Вы пробовали? Попробуйте просто посидеть в минус пятнадцать. Попробуйте посидеть — под ветром или даже без него — подольше, хоть в ноль градусов, и вам всё станет понятно.

Вот только здесь не ожидается ни нуля, ни минус пятнадцати: фирн, лёд. Сил хватило лишь на то, чтобы вырубить кайлом — так мы называли ледорубы — «сидячие места». Ага, как в общем вагоне, пожалуй, и поплотнее...

Да, вспоминать лучше не про холод на войне и в горах, лучше про домик, поезд, вагон, кровать или полку с одеялом; лучше — Бунина и Третьякова. Но мозг решительно не хочет зацепиться за писателей и бардов, мозг возвращается к рассуждениям о холоде.

Горелку-то, конечно, зажигали: палатку растянули спинами, сели в кучку, а огонёк поставили в серединку. Покидали лёд в котелок, попили тёплой водички, развели в ней супчик, погрели чуть-чуть руки. И всё, потому что экономим газ.

А потеплее одеться? В специальную одежду? Мы что, не знали? Мы всё прекрасно знали! Поэтому у нас суперботинки, суперперчатки и супермаски на лицах, чтобы ветер сразу не попадал в лёгкие и не застуживал их, а проникал потихоньку, через сеточку, пропитанную каким-нибудь ароматным и полезным эвкалиптом. И внизу действительно верилось, что в этот раз «суперское», особенно импортное, снаряжение поможет. В этот раз! Каждый раз думаешь про исключительный «этот раз»! Раньше оно почему-то не помогало, зато теперь... Но позитивно думается обычно внизу, в тепле. А руки и ноги от холода в принципе не спасёшь. И после среднего и вполне удачного высотного восхождения в минусовую температуру у тебя чернеют, а потом слезают ногти на ногах, а пальцы рук потом и в городской жизни зудят даже при небольшом холоде. Тело да, тело одежда согревает, но руки-ноги — нет.

Надо крутить-вертеть своими крыльями-конечностями как мельница, но очень не хочется. Почему не хочется? А потому что! Творческое опять вспомнилось — чёрный юморок из песни про танкистов, которым «по танку вдарила болванка». Ощущения стопудово понятные: «А жить так хочется, ребята, но вылезать уж мочи нет».

Делать махи! Махи ногами! Встать и махать! Сердце колотится, чуть не выскакивает, одышка, а ты зажигай! Продолжаешь не чувствовать пальцы? Плохо. Ну, присядь, отдохни — и опять запуская махалку! И песню напевай, альтернативную танкистской — про строителей, про пионеров: «Нет, мы лёгких путей не искали... Спой песню, как бывало, отрядный запеваля!..» Вместо этого на ум лезет чёрная альпинистская шутка: «Чувствую — обледеневаю...» Вставай давай.

Кровь вроде приливает. Теперь надо заползти обратно в стоящую буквой «зю» палатку, достать из задубевшего рюкзака спальник и засунуть в него ноги, в ботинках, естественно. Сначала кажется, что выстуженный мешок не помогает, но это не так — помогает, сохраняет некоторую часть тепла.

Философское вспомнил! Мой друг Андрей — телевизионщик, путешественник, экстремал (далее в моих рассказах редкие будут не экстремалами...) ходил на оленях из Якутска к полюсу холода, Оймякону, что стоит на богатой вкуснейшей северной рыбой реке Индигирке. Известно, что здесь зафиксирован абсолютный на жилой Земле минимум температуры — около минус 70. Но и температура «обычной» зимой тоже ничего — ближе к минус 50. Так вот: Андрей с коллегой-оператором Мариной в сопровождении группы эвенов-аборигенов шёл к Оймякону на оленьих упряжках, по «свежему воздуху», поход занял десять дней.

Как одевались? В одежду и обувь с мехом, из оленьих шкур, и они не промерзали. Но было другое. Оператора Марину одели так плотно, что однажды по дороге она вывалилась из нарт и не смогла подняться. Барахталась на снегу, пытаясь встать и выделывая при этом немислимые гимнастические упражнения. Пока заметили, что Марина выпала, проехали с полкилометра. Вернулись, конечно, подняли её на ноги и посадили в нарты. Зато тепло!

Проблемы с холодом у них появились вовсе не на маршруте. Ан-

дрей рассказывал, что экспедиция везла на нартах и сложенную в брикет большую палатку, и каркас для неё, и дровяную печку, и даже сами дрова. Когда остановились, проводник-эвен затопил в палатке печку, и наступил «ташкент». Сытые и согретые, московские телевизионщики в одном термобелье удовлетворённо залезли в спальники.

Но потом Андрей проснулся от холода: печка давно потухла, а истопник безмятежно спал прямо на снежном полу. Пытаясь согреться, Андрей и Марина натянули на себя всё что можно и — прямо как я сейчас — стуча зубами дожидались рассвета. И на вторую ночь так, и на третью. Заново разжечь печку, конечно, можно, но это долго и зябко, да и дров ограниченное количество. Вот тогда Андрей и дозрел до философского вывода: здесь надо не искать тепла, а привыкать к холоду... И книжку потом так назвал — «Тепло якутского холода». В книжке он не написал о том, что из тридцати экспедиционных оленей почти половина пали в дороге...

Я не понимаю, как можно привыкнуть к холоду. Но эвены-то привыкли. А с проводниками путешествовали двое маленьких детей-дошкольников. И ничего, «дрожжи не продавали», играли; спали безмятежно, похрапывая и посвистывая.

И опять дрема, и опять накатило:

И полутёмный незнакомый подъезд,
И полусонный опустевший вокзал —
Ты всё запомнишь в этот зимний отъезд
В Непал, в Непал, в Непал...*

Ну, Олег Митяев вспомнился — это ближе к сегодняшнему дню, чем Бунин. Смешно, но мы с ним в холоде сталкивались, когда вместе ходили на Эльбрус. Вот только это не сравнить ни с Якутией, ни с тем, что сейчас. Да, начинаешь восхождение ночью, в минусовую

* Олег Митяев, «Царица Непала».

температуру. Да, тоже мерзнут ноги и руки, однако переждать надо всего несколько часов, а это неприятно, но терпимо — перспектива согревает. Потом, когда подходишь к перемычке между вершинами Эльбруса, через снежный гребень переползает солнце. Оно пока далеко, но зато видно, как лучи всё больше поглощают тень и подбираются ближе и ближе. И вот солнце слепит глаза, и хотя ты продолжаешь «продавать дрожжи», зато абсолютно счастлив, поскольку железно ясно: минут через пять станет тепло. И хотя тут примерно пять тысяч метров, но с приходом солнца ты не просто согреваешься, а начинаешь постепенно раздеваться — жарко. Будто холодной ночи и не было. Всегда так.

Вот ведь интересно — Олег тоже вспоминает вокзал. Речь в песне, впрочем, о Москве. А в другой песне он и Непал вспоминает, потому что побывал здесь. Про непальскую речку поёт: «Плыли мы с тобой по Марсианде». Ну, она Маржанди или Марьянди вообще-то называется, но он так произносит. С планетой Марс, что ли, решил ассоциировать? Речка живописная, и сплав по ней на рафтах классный. Поплавать бы на этих рафтах сейчас; бухнуться, пройдя пороги, в неспешную приятную воду, раскинуть руки и покачиваться — спасжилет не даст утонуть...

Как дальше-то будет? Ребята вон тоже мучаются: не сон, не бодрствование, не поймёшь что. Но парни упёртые: один — заслуженный мастер спорта по альпинизму, второй — международного класса, третий — просто мастер. Смешно, да: «просто мастер». Потому что непосвящённому трудно понять. И представить, что «просто мастера» — это уже неземные величины в глаза начинающих альпинистов. Они и вправду не земные, а горные. Они не такое переживали, как говорится. И я вплотную подобрался к великим. Но всё равно не упёртый. Не блаженный. Не герой. Не мастер. Я обычный человек. Хотя попал в такой переплёт не случайно, конечно, и не в первый раз. И наплывает сквозь холод смешной анекдот: «Ну, хуже, чем

в этот раз, быть не может», — думает пессимист. «Может-может, в следующий раз будет хуже!» — говорит оптимист. У нас этот «оптимистический» следующий раз наступил.

Скоротать надо время до рассвета и своё чего-нибудь вспомнить. Как у Бунина — то, что, как говорится, предшествовало. И что было после. А разве можно вспомнить то, что было после, а пока не случилось? На первый взгляд, нельзя. Но если «Алису в Зазеркалье» почитать, станет понятно, что можно...

— ...Но ведь завтра ЗАВТРА станет СЕГОДНЯ! — воскликнула Алиса.

— Правильно. Но как только оно станет СЕГОДНЯ, оно перестанет быть ЗАВТРА, — отрезала Королева.

— Я совершенно запуталась, — расстроилась Алиса. — Как вы во всём этом разбираетесь?

— Ничего особенного, — ответила Королева. — Просто мы с тобой живём в РАЗНЫЕ стороны. Ты — туда, а я — обратно.

— У меня в голове от всего этого ужасная путаница! — пожаловалась Алиса.

— Это всё потому, что ЗДЕСЬ тебе приходится жить не туда, а обратно. Поначалу у всех голова идёт кругом, — утешила её Королева.

— Жить обратно! — воскликнула Алиса. — Я не сумею!

— Зато, — продолжала Королева, — всегда помнишь, что будет ПОТОМ.

— Я помню только то, что было РАНЬШЕ, — сказала Алиса. — Того, что ещё не случилось, помнить невозможно!

— Жалкая память, — пожала плечами Королева. — Помнить то, что уже было, каждый может...*

* Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье» (перевод Л. Яхнина, АСТ).

У меня память вовсе не «жалкая». Она хочет верить, что завтра не будет СЕГОДНЯ, что завтра будет ЗАВТРА и гораздо лучше. Но пока снег и лёд. Под луной они оживают: в снегу отчётливо видны мерцающие кристаллы, а лёд, пока темно, хоть и под луной, отликает зловещим серо-чёрным цветом. А впрочем, красиво. Смертельно красиво. Виден гребень, и там, возле гребня, начинает светлеть. Может быть, рассвет этим утром наступит раньше? Неадекватно ситуации улыбаюсь, глядя на пятерых ребят, которые устроились бугорками в покато́й палатке. Изредка они пошевеливаются, а из капюшонов выступает такой обнадеживающий парок. Значит, живы.

Я кручу память «обратно» и рисую винтажные картинки прошлого, которое случилось к сегодняшнему дню. И будущего, которое наступит завтра.